

СИНЯЯ ПТИЦА. ВОСПОМИНАНИЯ ДЛЯ СПЕКТАКЛЯ

Владимир Коренев, Алефтина Константинова
и Борис Юхананов

СИНЯЯ ПТИЦА.
ВОСПОМИНАНИЯ
ДЛЯ СПЕКТАКЛЯ

Электротئاتр Станиславский
Москва
2015

По сути теплая, вещественная, человеческая память на события, на людей, на какие-то детали сочетается с концептуальными моментами, с обобщением. Отталкиваясь от какого-то человека, повествование приходит к внеличному. И эти линии, пусть они переплетаются. Это именно то, что необходимо, это объем и масштаб книги, которая может разворачиваться свободно. Книга как прицел воспоминаний. Естественно, что они могут стать фильмом, они могут стать и должны стать спектаклем, но одновременно являются книгой. И я вижу, как живет память, как она живет в перспективе книги, раскрывается в свойствах речи. И там, где вдруг происходит остановка, возникает диалог, сопутствующее размышление. А книга все уместит. Книга – как свободный ковчег – должна быть потенциалом разных типов общения и со-общений. Если говорить о самой памяти как о стержне, как о сквозной линии, а сквозная линия книги – это память...

Борис Юхананов

Действующие лица:

Первый голос – Владимир Коренев

Второй голос – Алефтина Константинова

Режиссер – Борис Юхананов

*Владимир Корнев с отцом
и сестрой
Севастополь, 1945 год*

Первый голос:

– С детства, да?

... мне кажется, рождение и смерть – два самых таинственных события. И рядом с ними ничто не имеет значения...

Так устроено, что сам человек ничего не может рассказать ни о том, ни о другом. В начале – потому что ничего не помнит, а потом... – просто не может. Рождение само по себе – чудо: из ничего, из какой-то клетки возникает существо, характер, воля... Не только человека – скажем, дерева. Как из крошечного зернышка вырастает огромный дуб?..

У Василия Васильевича Розанова есть такое прекрасное эссе: «Вот рождается человек, и рядом рождается дерево. Но дерево обречено стоять на месте. Человек может уйти, а дерево остается всегда на том же самом месте». И Розанов говорит: «Вот дерево уже большое, и оно – под сенью своей – прячет человека, дает отдохнуть. Шум листвы летом – это музыка, которую слышит человек. Вдруг начинается дождь, гроза, ветер. Человек уходит в дом, а дерево остается стоять. И когда в грозу, в ливень ветви дерева бьются о стекло – это значит, что дерево что-то хочет сказать человеку».

В такие моменты надо сказать что-нибудь глубокомысленное... Но ничего глубокомысленного в голову не лезет. (Смеется) Зато вспоминается замечательный парадокс Оскара Уайльда: «Старики дают добрые советы, потому что не могут подавать дурных примеров». Конечно, Уайльд жонглировал понятиями, играл словами, но в данном случае – сказал серьезную, глубокую истину: «Лучше наслаждаться жизнью, чем о ней рассуждать. Но я уже нахожусь в том возрасте, когда приходится рассуждать...»

Итак, я родился 20 июня 1940 года, ровно за год до начала войны. В Севастополе. И в дом, где я родился, попала немецкая тонная бомба – осталась воронка. И когда я приезжаю в Севастополь, то прихожу на Красную Горку. Воронка заросла травой... Сажусь... смотрю сверху на город...

Крым – моя родина. И вообще – замечательное место. Туда стремились и генуэзцы, и венецианцы, и греки. По одной из версий, Гомер направил своего героя за золотым руном именно сюда. В Тавриду. А сколько за него крови было пролито? Многие русские императоры,

*Владимир Корнев
Севастополь, 1941 год*

Рождение и смерть – два самых таинственных события

*А когда переезжаю через
перевал – открывается
огромный жидкий изумруд
Черного моря. Там воздух
другой. Да, так вот –
я родился в Севастополе*

цари ходили отвоевывать Крым, в том числе и отец Ивана Грозного – Иван III. Есть замечательная история у Ключевского. Иван III пошел воевать в Крым и оставил в Москве на хозяйстве свою супругу. А пока был в походе – родился Иван Васильевич. Через 11 месяцев после ухода отца на войну (смеется). В это же время от царицы получил звание князя Оболенского думский дьяк Телепня. За что, за какие такие заслуги думский дьяк получает звание – да еще с огромной территорией между Обью и Леной – князя Оболенского?.. В общем, Иван III стал возвращаться в Москву со своим поредевшим войском, а Телепня-Оболенский почему-то поехал к себе в вотчину и стал собирать армию. (От кого он собрался защищаться?) Вот уж Иван III приближается к Москве – и царица посылает своих ближних бояр встретить царя, так что он приезжает в Москву уже умирающим. То есть за сто километров его встретили и «хо-

Станиславский приезжал сюда со своим театром играть Чехову спектакли

рошо» встретили – видимо, отравили. Иван Грозный очень рано короновался. А как только короновался, разослал своих людей по монастырям, и все летописи, где сообщалось о его рождении, были перлюстрированы. Ничего не осталось. Все в Крыму перебивали... Станиславский приезжал сюда со своим театром играть Чехову спектакли. А Бунин – злоязыкий – смотрит в Ялте из окна гостиницы и пишет: «По набережной идут два человека: Чехов и Горь-

кий. Чехов прикрывается газеткой. Непонятно, то ли от солнца, то ли от пошлостей идущего рядом Горького». (Смеется.) А у Пушкина про Крым, помните?

*Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я.*

Помните?

*С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат...*

Про него – тоже чудная история, которую я, кажется, вычитал в каком-то псевдоисторическом романе. Митридат был царем государства, частью своей находившемся в Крыму. Был он огромного роста, необыкновенной физической силы. Более того – человек образованный, полиглот, собрал прекрасную библиотеку. И был у него врач-сириец, который ежедневно, прививая иммунитет, маленькими дозами Митридата травил, предполагая, что когда царь приедет в гости к соседнему сатрапу, тот непременно нальет яду в вино... Охотился Митридат всегда один, поскольку обладал невероятной физической силой и здоровьем. Как-то царь, видимо, выпив вина после охоты, уснул в степи в районе Феодосии. А тут к берегу подошла римская галера: хозяева гладиаторских цирков искали здоровых мужчин. И видят – храпит огромный пьяный мужик. Они его сеткой запутали и увезли в Рим. И несколько лет Митридат был самым сильным гладиатором Рима. И никто не знал о том, что это царь государства, с которым Рим в это время

*Владимир Корнев с сестрой.
Севастополь, 1945 год*

Владимир Корнев.
Измаил, 1949 год

находился в состоянии войны. (Усмехается.) Вот так были разорваны коммуникации, что пока известие дойдет и вернется – проходят годы. Митридат выступал против диких зверей в цирке, против нескольких воинов и всегда побеждал. Он тира руками душил. И, наконец, цирк подарил ему свободу. И когда Митридат стал вольным человеком, он, уже будучи свободным, принял участие в Олимпийских играх и выиграл их по всей программе – это я читал у Кубертена. А когда выиграл, взял быка на плечи и оббежал с ним стадион. Ну, не быка, но, наверное, теленка большого. И с несколькими рабами захватил галеру, переправился через все проливы, вернулся к себе в государство. Вернул себе трон. И, зная хорошо римский военный строй, создал свой, который до сих пор изучают в учебниках военной тактики – военный строй Митридата. Его еще называют «Рассеянный строй Французской революции». А тогда было время Римской географической экспансии. Римляне захватили весь известный мир: Малую Азию, Междуречье, Месопотамию, Германию, даже в Англии стояли их легионы. И единственное государство, которое успешно сражалось с Римом, – это был Митридат. И когда Сулла Счастливый разбил Митридата, и тот увидел, что ему грозит плен, которого он только что так счастливо избежал, – царь выпил склянку с ядом, который на него не подействовал. Тогда он взял у телохранителя кинжал, вкопал его в землю и бросился на него. Вот о чем Пушкин написал всего три слова: «Там закололся Митридат». Пушкин знал эту историю, как историю своих близких знакомых, потому что был обра-

зованный человек. В отличие от нас... Красивое место. Я прилетаю в Симферополь – и чувствую себя дома. Какое-то странное генетическое чувство родства с этим местом... Удивительно, но такое же чувство возникло, когда я приехал в Иерусалим. Видимо, потому что там начиналась история христианства, то, с чем связана наша религия...

*Я прилетаю в Севастополь,
выхожу из самолета,
и даже воздух... воздух –
я приехал домой...*

Я прилетаю в Севастополь, выхожу из самолета, и даже воздух... воздух – я приехал домой... А когда переезжаю через перевал – открывается огромный жидкий изумруд Черного моря. Там воздух другой. Да, так вот – я родился в Севастополе.

Второй голос:

– Мои родители погибли во время войны. Нас с мамой из Мценска эвакуировали в деревню, а потом немцы хотели угнать в Германию. Посадили на какие-то подводы, куда-то гнали. Осталось в памяти только, как мы куда-то ехали на этих подводах, в обозах, которые увозили немцы. На Украине, где-то в районе Белой Церкви, наши уже наступали, уже догоняли, уже прямо сзади шли. А обозы мчались, мчались, мчались. Был, наверное, март месяц, – грязь непролазная: снег развороченный, подводы застревали, колеса

*У меня были все детские
болезни. Даже рахит,
был стригущий лишай.
Боялись, что волосы
никогда не вырастут.
Не знаю, как выжил...*

в грязи гудели. У меня до сих пор осталось в памяти. Там была гора и с одной стороны – дорога. И наши подводы застряли в грязи внизу. А наши уже на горе, уже настигали немцев. Стреляли. Немцы все бросали, садились на лошадей и чесали прочь, кто как мог. Когда началась сильная стрельба, мать легла за колесо, и я легла за колесо и еще девушка Аня из деревни, из которой нас угоняли. И мы лежали в грязи. На мне – беленькая меховая шубка, шаровары и какая-то обувь. И через мгновение Аню ранило в ногу. Она кричит: «Ой, Валя, меня ранило». Тишина. «Аля, надо бежать!». Берет меня за руку, а мать лежит: «Маму убило». Прямо в голову. У меня вся шуба была в крови матери.

Аня взяла меня за руку, и мы пошли через дорогу, потому что под горой были какие-то домики. Она тащила меня через дорогу, через грязь. Пальба была страшная. Я застряла, нога провалилась, а когда я ее вытащила, то нога оказалась голой в ледяной жиже. И другая тоже застряла. Но каким-то образом, Аня меня вытащила и в какую-то избу привела. Меня пытались помыть, кто-то что-то давал, какие-то сапоги большие, чтобы на ноги хоть что-то надеть. А моя тетка Вера была где-то дальше в обозе на другой телеге. Она шла по деревне, искала: «Вы не видели женщину с ребенком?». – «Знаете, какая-то женщина с ребенком побежала в ту избу». И Вера нас нашла. Ей говорят: «Валя там на дороге лежит.» – «Ой, надо ее найти! У нее в обшлагах цепочка была золотая, она все ее берегла – вдруг надо будет Алю покормить или что-то нужное выменять. Я сбегая, может, мне удастся забрать эту цепочку. И в обшлагах пальто у нее сахарин был», – это такие таблеточки, если вдруг покормить

меня. Вера побежала. Сняла цепочку, а потом наши – озверелые были этот момент, наши ребята, – прогнали ее. И мать осталась в этой грязи, на этой дороге.

Вера прибежала: «Быстро уходим, иначе и нас здесь всех перестреляют». И мы – тайком, тайком, тайком, потихонечку. Я до сих пор помню, я же разутая. Мы с убитых снимали шинели, одеяла, Вера обрезала их и заматывала мне ноги. Мы шли или ночью, или утром, когда все было подмерзшее, твердое, чтобы я могла передвигаться. Мы шли, ноги опять у меня становились мокрые, и опять их накутывали. И так мы шли. Я запомнила, мы куда-то пришли, и наши хотели нас расстрелять. Один уже повел в овраг. Девчонки плакали, просили: «Пожалей ребенка, мы же русские, что ж ты делаешь?!» – «Ладно, бегите вот по этому оврагу в тот лесок, я сейчас пальну вверх,

Маму убило

как будто я стрельнул». И мы добежали до леса. И потом добрались до Харькова. Я запомнила Харьков, видимо, зрительная память хорошая. Вокзал, где сидели... И когда мы потом приехали туда на гастроли, я узнавала – здесь должно быть вот это, а если сюда пойти, то вот это. Потом Вера рассказала, что мы попали в Харьков, потом сидели в какие-то поезда, – меня под лавку загоняли, – чтобы доехать до бабушки. И когда добрались до села Отрадное под Мценском, то карабкались по каким-то оврагам и уже ночью пришли к бабушке. Она, помню, грела самовар, мыла меня, и сказала: «Больше никому тебя не отдам». Вот так я с ней и прожила всю жизнь.

Потом нас нашла Зина, тоже бабушкина дочка. Она была в Ленинграде, после блокады ее отправили в Среднюю Азию, потому что она

Алефтина Константинова.
1947 год

Отец и сестра Владимира Коренева

Владимир Корнев с отцом

просто умирала от истощения. Потом Зину направили в Орел, и она взяла нас с собой. А где в Орле жить? У бабушки там была сестра – самый последний домик на самом высоком берегу Оки. Там мы и жили. И оттуда я уехала в институт.

Первый голос:

– Во время войны был страшный голод. Отец воевал в Севастополе, а мы были в эвакуации на Кавказе. Потом отец нас нашел, но вот этот промежуток... У меня были все детские болезни. Даже рахит, был стригущий лишай. Боялись, что волосы

никогда не вырастут. Не знаю, как выжил... После войны я жил, как животное, запахами. И один запах, связанный с едой, преследует до сих пор. Когда мне было, наверное, лет пять, мы жили в Ялте, уже после войны. Чтобы чем-то питаться, там отстреливали дельфинов. Говорят, когда в них стреляли, они кричали, дельфины... Когда готовили – запах был просто чудовищный!.. Потом отца назначили, отправили служить в Измаил на Дунайскую флотилию. Была такая флотилия, которая перекрывала весь Дунай вплоть до Австрии. Небольшие бронированные суда, называвшиеся «рейдеры», охраняли нашу границу.

А место замечательное – Измаил. И я помню, начинаю ощущать себя с того времени, когда меня привезли туда. Помню запахи еды, потому что в Измаиле росло все. Вспоминается гексаметр – не знаю, откуда я его запомнил, – очень красивый: Природа дарила людей плодами, Руки избегая касанья.

В общем, палку в землю воткнешь, и что-нибудь вырастет. (Смеется.) Грецкий орех, тутовник, черешня, вишня замечательная, виноград... Такое место – Измаил. Господи, как прекрасны провинциальные наши города! Какая там удивительная человеческая атмосфера! Там ведь живет очень немного людей. В отличие от Москвы, которая – Вавилон... И вот, как библейский Вавилон, Господь Бог наказал разноязычием – люди перестали понимать друг друга, они не могут договориться между собой. А в этих маленьких городах осталось какое-то человеческое понимание сообщества, умение дружить, понимать друг друга, сочувствовать, сострадать. (Усмехается.) И потом в Измаиле, конечно, был замечательный базар. Я таких базаров потом нигде не видел. Там продавалось все: хлеб, который сами делали, овцы, свиньи маленькие, куры, гуси... Там можно было купить лошадь – можно было купить все. И я помню, как мама шла с базара домой – связка лука, пара кур в руках...

Как-то во двор к нам заехала полторка: это отец ездил куда-то... Задний борт был откинут, оттуда торчал огромный хвост – то ли белуга, то ли осетр. Рыбину вскрыли и достали килограммов тридцать черной икры. Прополоскали и в огромной марле повесили на дерево, чтобы оттекла. И внизу под марлей стояли кошки, собаки. А когда икра от-

текла, нарезали зеленого лука, посолили, и – с белым хлебом. Вкуснее я никогда ничего не ел. Хотя был потом во многих самых дорогих ресторанах мира, но так вкусно никогда не было.

Второй голос:

– У бабушкиной сестры в Орле был маленький домик. И она отдала нам крошечную комнатеночку, где вмещалась односпальная железная кровать. Еще можно было спать на полу и за печкой – бабушка придумала – там поставили козлы, накидали телогрейки. В этой комнатенке мы и жили. Второе. Дом был такой, что со стороны все можно было видеть насквозь, а когда шел дождь, то наверху ставили какие были тазы и емкости. Бабушка приносила палочки, делала дранку, крест-накрест накладывала на щели. Я месила глину, и мы все это замазывали. Потом белили, и у нас получился симпатичный домик, крошечный. Печки не было, из бочки была сделана топка типа буржуйки, которую топили хворостом. На ней мы все варили, на этой бочке, за хворостом ходили в лес, собирали в вязанки, притаскивали на веревочке. Есть было нечего – голод был, самый настоящий голод – кроме картошки, и мы са-

Бабушка Алефтины Константиновой

Я жил, как животное, запахами

дились вокруг печки, у каждой был ножик, отрезали ломтик, приклеивали к стенке, а когда картошечка запекалась – ломтик отклеивался. Сверху можно было печь блинчики, но поскольку ничего не было, то пекли «тошнотики» – из перележалой за зиму в земле картошки. Собирали и пекли. Дерн собирали – неподалеку была, видимо, какая-то

Алефтина Константинова
с бабушкой и тетей Зиной

барская усадьба. Вишни, яблоки валялись уже гнилые, мы их собирали, компот варили, потому что есть вообще нечего было, вообще. Летом было хорошо, потому что можно было пойти в лес, наесться всякой травы: я знала все листики, все травки. Могла щавеля нарвать, даже конский, бабушка сделает супчик какой-то. Я и сейчас знаю, что можно съесть, а что куда нужно приложить или какую траву попить, если болит. Единственное, что я не могла в рот взять, хотя другие ели, – лебеду. До сих пор, когда ее вижу на даче, тут же вырываю...

Бабушка иногда шила кому-то за десять литров молока, предположим, юбку. А Зина придумала сделать мельницу: доска, на ней – штырь, обвитый железкой, сверху еще какая-то железка, – и мы засыпали в нее зерна, садились вдвоем, крутили и понемножку размалывали. Потом варили кашу – еле дожدهшься, когда она остынет, – по тарелочкам разливали. Я потом просила бабушку: «Давай сварим еще, такая была вкусная каша!». – «Аля, ты ж ее есть не будешь!» А я до сих пор помню вкус потрясающий этой каши.

Первый голос;

– И вообще, у меня было детство... Я вырастил дочку, внука... Но это уже городские дети, которые не бегали босиком по улице, не срывали с дерева яблоко, вишни, грушу. А в Измаиле улицы были не– асфальтированные – глиняная пыль, как пух. На нее наступаешь ногой без ботинка, голой, как в пух... Рядом жили странные люди, замечательные. За забором – оседлый цыган-краснодеревщик, замечательный мастер. Огромный сарай-мастерская со множеством всяких инструментов. И было у него девять детей. Младший Васька – мой приятель. И вот мы приходили в этот сарай, садились на кучу стружек и смотрели, как из обыкновенной доски он на глазах вдруг создавал произведение искусства, как он гнул дерево, фанеровал, лакировал. Там пахло... Тогда же не было фабрик, где делали такую мебель. Все вручную было.

А еще у меня был приятель рыжего цвета, совершенно красный, огненный Володя Кострюков. Отец его был человек чрезвычайно состоятельный, врач. Мой отец был зам командующего Дунайской флотилией. Но по сравнению с семьей Кострюковых – отец и мать были врачи-гинекологи – мы жили очень скромно. Видимо, тайно, втихаря, они делали аборт, которые в то время были запрещены. (Усмехается.) Их вот дом мне казался таким богатым... Нас – ватага мальчишек измаилских... А рядом течет Дунай. В общем – спокойная река, волны на нем нет. И по Дунаю идут баржи с арбузами. Арбузы сложены пирамидой. Очень соблазнительно, и совсем недалеко.

Но плот делать долго. Мы – мальчишек двадцать – снимаем деревянные ворота с петель тащим на Дунай, и получается плот. Подплывем к барже, поленом вышибем нижний арбуз, и все катятся в воду. А мы их собираем. А когда баржа плывет обратно, в нашу сторону заранее летят поленья...

Маленьким я был очень симпатичный. Блондин (потом почему-то почернел). Тогда из Крыма выселяли греков, на всякий случай. Сталин вообще решил избавиться от крымских татар и от греков, которые там жили. В порту стояли корабли, и какая-то гречанка подошла ко мне, дала большую конфету и увела за собой на корабль. Хорошо, что

*Есть было нечего –
кроме картошки,
был самый настоящий голод*

отец поднял шум, и меня стали искать. Нашли на корабле, а то был бы я сейчас грек. Носил бы какую-нибудь греческую фамилию вроде Попандопулос. И не был бы артистом в этом театре...

Режиссер:

– Здесь, в этом процессе, когда память начинает восходить вместе с речью, то есть она рождается в речи – в этом процессе оживают вещи. Это один из тех душевно-духовных потоков, которые оживляют вещи. Это связано с «Синей птицей», потому что там, в «Синей птице», есть волшебный алмаз, а у нас есть память и речь – это то же самое.

*Единственное, что я не
могла в рот взять, хотя
другие ели, – лебеду. До сих
пор, когда вижу ее на даче,
тут же вырываю...*

*Владимир Корнев.
1943 год*

Первый голос:

– Отец у меня был военный. Замечательный человек, замечательный. Он воевал... всю войну провоевал: 16 осколочных ранений, три – пулевых, две контузии. Помню, у отца был огромный пистолет с деревянной ручкой – браунинг? Деревянный приклад, который был и кобурой одновременно. Он раскладывался, и получалось большое ружье. Еще помню, у отца была машинка, которой он набивал папиросы. Это тоже было так красиво!

Был отец высокого роста. Очень красивый человек, очень! Великолепный слух: играл почти на всех музыкальных инструментах, писал стихи, знал два языка. Когда его назначили... Когда в группе военных специалистов – помогали создавать флот – отец уехал в Китай, то вернулся оттуда говорящим на бытовом китайском языке. Во всяком случае, мог объясниться – такой был замечательный слух. Читал мне Пушкина. Я никогда не учил наизусть «Евгения Онегина» – запомнил, когда отец читал эти замечательные строки.

Там, в «Синей птице» есть волшебный алмаз

Очень любил театр, музыку. Он первый привел меня в театр. Первое впечатление от театра я получил именно в Измаиле. В то время, в Советском Союзе, было положено, чтобы каждая область – а тогда Измаил сделала областным центром – имела свой драматический театр, музыкальный театр, детский театр, кукольный театр и филармонию. Представляете? И как только Измаил стал об-

ластным центром – тут же построили театр с колоннами, набрали труппу. И я пришел смотреть какой-то спектакль про американскую жизнь, где ничего не понял, но было симпатично. Сбор был большой: местная интеллигенция, в том числе офицеры.

Вообще, Измаил – место, которое когда-то Суворов у турок отбил со своими солдатами. Стоит там кованный памятник Суворову и замечательный собор с двумя колоннадами по краям.

В Дом офицеров привозили новые картины, трофейные фильмы ... Картины-то были какие! «Знак Зорро», «Таинственный знак», «Королевские пираты», «Остров страданий». (Смеется.) Фильмы с Диной Дурбин, музыкальные. Замечательное время! Еще была танцплощадка, и мы из-за забора смотрели, как танцевали взрослые парни и девушки.

Второй голос:

– Отец играл на каком-то музыкальном инструменте, и мама его увидела, пришла на танцы. Отец был очень красивый. Попросила познакомиться, а ей говорят, что у него уже есть девочка, с которой он дружит. «Все равно познакомьте – будет мой!». Через какое-то время они познакомились – и все!

Мама очень хорошо пела, любила цыганские романсы. У нее был красивый голос. Когда мы жили во Мценске, она ездила на какие-то фестивали, конкурсы. Хорошо знала знаменитую исполнительницу Лялю Черную, даже были ее фотографии с Лялей Черной. Лица мамино не помню вообще, но помню – мне было года четыре – как Вера привела меня в клуб, и мама вышла петь на сцену. И я с криком: «Мама!» – бросилась к ней. Меня увели за кулисы, но я помню, как

*Отец и мать
Владимира Корнева*

*Я никогда не учил наизусть
«Евгения Онегина» –
запомнил, когда отец
читал эти замечательные
строки*

Отец и мать
Алефтины Константиновой

она пела: «Любила очи я голубые, теперь люблю я черные, те были милые такие, а эти непокорные».

А сейчас мы дружим на даче с цыганами – нашими соседями. И я говорю соседке – давай попоем! Она наденет на себя какую-нибудь шаль, и мы с ней целый день поем. Лора спрашивает, откуда ты знаешь цыганские романсы? А я их не учила, мать пела:

*Бирюзовы золоты колечики
раскатились по лужку.*

*Ты ушел и твои плечики
Скрылись в ночную мглу.*

*По зеленой травушке-муравушке
не сыскать растерянных колец.*

Не найти любви-забавушки

Видно счастью есть конец,

Ох, играй гитара моя милая,

Разгони ты грусть-печаль,

Ох ты жизнь моя постылая,

Ничего теперь не жаль.

«Откуда я это знаю?» – в детстве наслушалась, цыганские романсы в крови у меня сидят.

Первый голос:

– Что такое жизнь в маленьком провинциальном городе, где стоит гарнизон? Помните, гарнизоны у Куприна? И скучно, и пошло. Может, в те времена так и было. А у нас текла замечательная жизнь. Послевоенные офицеры чувствовали себя героями, которые совершили великое дело – уничтожили фашизм. Замечательные люди были. И жены, женсоветы, на которых они собирались, устраивали выставки вышивок, того, что связали. Все события – свадьбы, дни рождения – отмечали вместе. А как замечательно готовили! Когда наступала осень, ходили друг к другу, обменивались рецептами. Какие запахи стояли!

Моя матушка была украинка. Ее фамилия Орличенко. Отец – русский, хотя бабушка была бурятка, а кто дед – я так и не знаю, она не сказала. Но в паспорте было написано – русский. Он был высокого роста, абсолютный европеец, аристократическая внешность, нос с горбинкой и вообще красавец. Женщины на него засматривались. Когда мы с ним шли по Тверской улице – он в адмиральской белой форме, а рядом – я, известный артист, они смотрели на него. Французы говорят: «Женщины приходят сначала к красивым, а потом к настоящим». А когда были праздники-День военно-морского флота, отца готовила вся семья: чистили, драили пуговицы на белом мундире, кортик замечательной красоты, оставшийся мне на память, мама гладила форму. И потом все шло на площадь, где был парад. Потом корабли стреляли из пушек, потом – вечерний ужин.

Мама с отцом были совершенно непохожи. Маленькая, кругленькая, полненькая такая, хохотушка. Когда началась война, представляете, что свалилось на бедных женщин? Мужики на фронте, а женщины с детьми маленькими, которым одному год, другому два с половиной года. Что с ними делать, когда налеты, когда кормить нечем? Их надо сохранить, чтобы они выжили, выполнить самую главную вечную функцию, которая стоит перед любой женщиной – сохранить потомство. И когда мы приехали в Измаил: мама весила 52 килограмма, отец, высокий, двухметровый, на нем форма как на вешалке висела, такой худой был.

В Измаиле мама поправилась, раздобрела. Научила меня готовить. Я капусту умею солить семью способами. Умею готовить как немногие женщины. Со мной дружат, мои друзья любят приходить в гости, потому что я хорошо готовлю. У меня огромная полка кулинарных книжек. Я очень люблю поесть. Люблю застолье, люблю выпить, люблю ощущение опьянения. Люблю хорошие вина. Портвейн люблю, хороший портвейн – это настоящее мужское вино. Люблю сухие вина, потому что это искусство, и не люблю водку – это химия.

Бабушка
Алефтины Константиновой

Что такое жизнь в маленьком провинциальном городе, где стоит гарнизон?

В Измаиле за столом подавали сухое вино белое, местное. Такое вкусное вино, замечательное. Вообще «Месопотамия», это место, где гуляли разные племена, кто-то

Бабушка Владимира Корнева

задерживался. Там жили румыны и болгары, и украинцы, – кого там только не было! И в Измаиле были кабачки, где болгары, – почему-то только болгары – продавали вино. Там такой запах стоял... Отец вел меня за руку, мы заходили в винный погребок. Он пробовал вино – и давал мне лизнуть. Я помню, каким оно было вкусным. Таких вин потом я уже не пробовал... Может быть, детское мое сознание делает его таким прекрасным...

Второй голос:

– Работала одна Зина, получала гроши, и мы ждали, когда она придет с работы. Потому что покупался маленький кусочек мяса, варился, чтобы какой-то бульончик сделать, ну картошка-морковка. А кусок мяса делился на троих – Зине побольше, потому что она работала. Я могла сказать бабушке: «Я есть хочу!» – «Ну, возьми кусочек хлебушка». А так мы не могли начать обедать раньше: надо было Зину ждать. Вот мы сели вместе, съели

Женщины приходят сначала к красивым, а потом к настоящим

по тарелочке супчика. На второе – картошка жареная. На завтрак – картошка отварная. Или тушеная с лучком. Никаких разносолов не было. Никаких макарон. По праздникам бабушка пекла пирожки. А уж если делала лапшу – сама раскатывала, – то я сидела и ждала, когда она оставит мне хвостик сырого теста, чтобы его съесть.

Первый голос:

– А моя бабушка была бурятка, но крещеная, и даже старообрядка, насколько я понимаю. У нее была такая пергаментная кожа и разрез глаз, который называется эпикантус – восточно-китайский разрез. Она меня очень любила. Там домострой был абсолютный, она считала, что как это мужчина несет авоську, по улице идет, только женщина должна носить. И вообще мужчина должен... Меня любила ужасно. Сидела со мной, когда я готовился к экзаменам в институте, – до трех часов ночи. Я пью чай, она сидит рядом наливает мне, я отставляю молча стакан, она наливает, подставляет; чай с молоком научила пить, бурятский. Очень вкусно готовила чай. А когда я поздно приходил из института, в доме пахло лекарствами, и она тоненьким голоском причитала: «Убийца, развратник, ты где ходил?» – «Бабушка, я занимался». – «Какое занятие в два часа ночи? Убийца, развратник». – «Бабушка, какой развратник? Ты отца в пятнадцать лет родила?» – «То время было царское». – «Бабушка, голову не морочь, люди всегда одинаковые».

Второй голос:

– Своих детей у бабушки было семеро, а я – первая внучка. Меня принесли к ней в дом и положили. Так с детства я с ней и сидела, отец-то с матерью работали. Я даже говорила: «Мам, смотри, вот мамка идет». Все мои родные – бабушкины. Она мать отца. Дед работал во Мценске на железной дороге, бабушка была дома, потому что семеро детей. Один ребенок подрастал, смотрел за другим. Бабушка всех обшивала: с одного снимала – другому перешивала. Так и жили. Дом был рядом с железной дорогой,

Алефтина Константинова с одноклассницами. Орел, 1953 год

Владимир Корнев.
1950-е годы

была корова, огород. И когда я вспоминаю детство, то всегда – дом бабушки. Хотя родители забирали меня. Помню мать меня наказала, поставила в угол, а я была не виновата, и стояла, пока не уснула, пока отец не пришел и не вытащил меня оттуда. Не хотела просить прощения, потому что знала, что не виновата. И меня нельзя было заставить.

Помню у меня с желудком было плохо, и семь человек бабушкиных детей пытались заставить меня выпить касторку. Кто-то держал ноги, кто-то за руки, за голову, кто-то вливал касторку – всей огромной семьей пытались. И все равно я ее выплевывала. Ни за что! Если я что-то не хочу – не надо меня уговаривать. Все равно не переубедить. Если я что-то знаю, то все. Это потому, что я все делала сама, и всего должна была добиться сама. Голая, нищая, я должна была учиться, и мне нужны были только пятёрки, потому что если другая отметка, то у меня не будет стипендии, жить не на что. И еще мне нужно было со стипендии посылать деньги бабушке.

Первый голос:

– Про школу я ничего не помню. Хотя учился там четыре года. Но школа была чрезвычайно странное заведение – что-то среднее между бурсой и хедером. И кто там преподавал – не знаю, чему учили – не помню. (Смеется) До 4-го класса я был абсолютно безграмотен, не знал букв. Просто букв не знал. То есть знал, но сомневался: та ли это буква или нет. Например, я путал... (смеется)

«Ч» с «У» – потому что сверху одинаково, а внизу крючок в другую сторону. Но у меня была замечательная память. Бабушка читала мне, а я запоминал, где она читала, водил глазами, и так на память шпарил. И мне ставили «3», и все-таки переводили меня из класса в класс.

И вдруг отца из замечательно тихого, спокойного, провинциального Измаила переводят на Балтийский флот. В Таллин. И я попадаю в необыкновенной красоты готический город, с великолепной бытовой культурой, с прекрасными театрами и консерваторией. Таллин, конечно, был культурным центром в то время. Серьезным культурным центром. Не знаю, как сейчас, а тогда были прекрасные

Когда я читаю художественную литературу, то читаю медленно. Потому что это – счастье

театры. Во-первых, музыкальный – оперный театр с прекрасными певцами – Георг Отс, которого знают все, Тийт Куузик – великолепный тенор. Прекрасный балет, драматический и академический театр, русский театр – какие были! А мужской академический хор под руководством талантливейшего композитора Густава Эрнесакса! Один из лучших в мире мужских хоров тогда. И вообще – праздники песен, когда вся Эстония в национальных костюмах приходит на певческое поле, и хор в десятки тысяч голосов – это надо было наблюдать.

И я попадаю в замечательную школу, в 5-й класс. Сажу на последней парте и ничего не понимаю из того, что говорят. Мои соученики

для меня как академики. Думаю: «Ну все, пропал. Из меня ничего не выйдет, никогда». А жили мы в доме на 4-м этаже, а на 1-м этаже была районная библиотека. И старушка-библиотекарша, видимо, из сострадания к моей «тунгусской темноте», зазвала меня в библиотеку. Как уж она меня приучила читать – не знаю, но как-то приучила. И старушка была такая диссидентствующая, странная. В то время существовал список книг, положенных к изъятию у библиотек: русские религиозные философы, вышедшие из американской компартии писатели Дос Пассос и Говард Фаст. А она все издания сохранила и где-то на задних полках прятала. Поэтому я перемежал книги русских религиозных философов – Федорова, (смеется) того же Розанова, Бердяева – с

Я все делала сама, и всего должна была добиться сама

французскими адульгерными романами XVIII века, полупорнографическими, типа «Жизнь и забавные приключения Аристида Пюжоля, описанные им самим» – чудовищная литература. Вскоре я всю библиотеку прочитал, и догнал, конечно, своих товарищей. И, кстати сказать, научился – поскольку читать мне понравилось – научился читать быстро. Но когда я читаю художественную литературу, то читаю медленно. Потому что это – счастье. До сих пор отношение к библиотеке у меня как к чему-то святому, где собралась мудрость огромного количества людей. Знаете, как у героя романа Дюма «Граф Монте-Кристо», когда Эдмон Дантес открывает

сундуки с бриллиантами... И меня очень огорчает, что внук мой читает мало. Вообще, это поколение не очень читает.

Второй голос:

– С 8-го класса у нас был потрясающий педагог по литературе Игорь Константинович Смирнов. Молодой, красавец. Каждый день менял костюмы, от него пахло всегда «Шипром» или какими-то духами и табаком. Он курил. Ходил – всегда одна рука в кармане, и с таким пренебрежением на нас смотрел, на этих девиц... Если уж скажет что-нибудь, то пропесочит так! Не дай бог, попасться ему на язык. Но хорош был невозможно. Все были в него влюблены.

Он и приучил нас к литературе, говорил: «Понимаю, что «Войну и мир» вы никогда не прочитаете, так берите тетрадку и записывайте то, что я буду рассказывать. Пригодится! Хотя бы поймете, о чем роман». И он так рассказывал, что мы ждали следующего дня, чтобы услышать продолжение. У меня осталась целая стопка тетрадок с записями с 8-го по 10-й классы. Дочка потом училась по моим тетрадкам. Уникальный был педагог. Когда я сыграла «Чайку» здесь, в этом театре, то получила от него телеграмму – поздравление с премьерой. И когда приезжала в Орел, первым делом бежала, конечно, к Игорю Константиновичу, в школу свою, а потом – в Дом пионеров.

Первый голос:

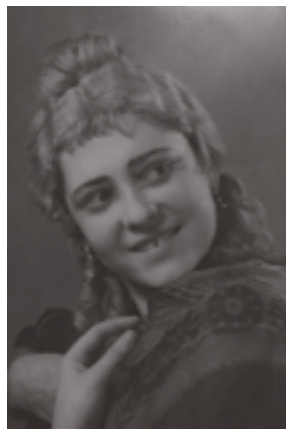
– В то время у всех нас был пиетет к образованию, к культуре. Но первое впечатление – не просто так появляется. Какие-то люди делают это. Вот я и вспоминаю людей, которые помогли мне это понять. Ну, во-

Алефтина Константинова
с Дмитрием Георгиевичем
Станским, руководителем
драмкружка в Доме пионеров.
1969 год

первых, не помню, к сожалению, ее имени – библиотекарша. А второе... Когда я пришел в школу, меня поразило странное существо. Я даже не понял: мужчина или женщина – что-то такое огромное, килограмм на 160, коротко стриженные волосы, знаете, «бобриком». Шесть складок – шеи нет – переходят в плечи. Ноги как тумбы. И на такие, видимо, невозможно было найти обувь, и у нее были на ногах одеты такие сандалии с рантом, они назывались «пионерские». Было на ней что-то вроде мешка у горловины вырезано, здесь – рукава. И портфель, перевязанный веревкой, поскольку замок не работал. Я спрашиваю: «Кто это?»

– Учительница по литературе и русскому языку Чучина. Знаете, дети сторонятся всего безобразного, непонятного... А потом оказалось, что она – выдающийся педагог. Однажды по школе пронесся слух, что Чучина пришла в новом платье, лакированных туфлях и с новым портфелем. И все мы, идиоты, побежали смотреть... В таком же платье, только на нем – очень красивый воротничок из вологодских кружев. Такие же сандалики, только лакированные. И новый портфель с монограммой, который, видимо, коллеги подарили ей на юбилей. С большим трудом, задыхаясь, с астматической одышкой, она забиралась к нам

*Алефтина Константинова
в роли Раисы Пижоновой.
«За чем пойдешь,
то и найдешь». Орел,
драмкружок Дома пионеров,
1953 год*

*Алефтина Константинова
в роли Марьи. «Иван
да Марья». Орел, драмкружок
Дома пионеров, 1953 год*

*Алефтина Константинова
в роли Ольги Николаевны.
«Витя Малеев в школе и дома».
Орел, драмкружок Дома
пионеров, 1953*

на 4-й этаж. Мы, как положено, встали. «Ребята, сегодня у нас большой день. Мы начинаем изучать творчество великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина». – Я запомнил на всю жизнь. Эта немолодая больная женщина не поленилась для нас, для мальчишек и девчонок, устроить праздник, потому что она понимала: праздник этот всегда будет с нами – праздник встречи с прекрасным. Ну и, конечно, она научила нас очень многому. Научила нас писать стихи. Все писали, весь класс. А сделала очень просто: три месяца играла с нами в буриме. Если три месяца играть в буриме, то через три месяца начнешь писать стихи. Причем писали – не просто – ямбом, хореем, амфибрахием, анапестом, дактилем. Писали и очень грамотно

писали. Ну, например, я помню диктант, когда она продиктовала целую страницу из «Войны и мир» Толстого: сложнейшие предложения, сложносочиненные, с инверсиями, с деепричастными оборотами, вводными словами, прямой речью – я не сделал ни одной ошибки. Я ни одной ошибки не сделал, потому что так просто она читала. Так понятно была конструкция фразы, что я не сделал ни одной ошибки. Что такое педагог? И как это важно...

Второй голос:

– Когда я училась в шестом-седьмом классе, мои подружки бегали в Дом пионеров, где был очень хороший кружок художествен-

*Алефтина Константинова
в роли Аленушки. «Сестрица
Аленушка и братец
Иванушка». Орел, драмкружок
Дома пионеров, 1955 год*

ного слова. Потому что им руководил потрясающий педагог Дмитрий Георгиевич Станский. Как он умел влюблять в то, чем занимался! Девять человек из его кружка стали профессиональными актерами – Анастасия Георгиевская, народная артистка во МХТ, Сергей Штейн, который когда-то был режиссером в Ленкоме. А я вот была последняя, любимая. Любимая, да.

Появилась я там, потому что кто-то заболел, и моя соученица попросила прийти на замену в литмонтаж. Несложная была задача. Потом ко мне подошел Дмитрий Георгиевич и спросил, хотела бы я у него заниматься. – «Если бабушка разрешит. Пока не знаю».

Обычно сначала он набирал в кружок «Художественное слово», а потом лучших перево-

дил в драматический. А меня он сразу пригласил в драмкружок: «Я сейчас буду ставить «Иван да Марья», вот вы будете играть Марью». И потом этот спектакль гремел у нас – все бегали смотреть. У меня есть и афиши, и фотографии. Я у него и Марию Мнишек играла, и сестрицу Аленушку, много...

Режиссер:

– То есть бабушка разрешила?

Второй голос:

– Нет! Она меня держала в строгости, никуда не пускала, вдруг кто-то скажет, что я

*Алефтина Константинова
с соученицами на занятиях
Химического кружка. Орел,
1953 год*

какая-то не такая. Не разрешала ходить в драмкружок, потому что это – театр, потому что – не та профессия. Я ее обманывала, говорила, что иду к одной подружке, к другой. А мы жили – последний дом на краю обрыва Уреки Оки, и нужно было перебраться на другой берег. Летом перебегала, задрав полы, а нужно было еще в Дом пионеров – все бегом. Я репетировала и понимала – уже нужно домой, потому что иначе бабушка хватится. Пора делать уроки.

Еще воды натаскать снизу из Оки, сбежать под горку прополоскать белье. Меня звали «стрекоза», потому что – все время бегом. И самое противное было в субботу, когда мне полагалось вымыть полы. Я приходила из школы, а

бабушка уже свернула все половики, которые были в доме. Я думала, ну зачем она их сняла, я знаю, что в субботу должна мыть пол. Я бы все равно это сделала, но – когда бы мне захотелось. А так я знала, что – должна. Даже через силу.

И если что – бабушка меня ругала. Никогда не хвалила, если я делала хорошо или правильно. Это было нормально, так и надо. А вот если что-то не так – ругала. И когда я закончила семь классов, меня отправили поступать в какой-то техникум – уж не помню. Я пришла, решила другим задачки, а себе ничего не написала. Меня естественно не взяли, и я сказала, что провалилась. Ну, что делать? – надо учиться дальше. А я и хотела

закончить школу, и ходить в драмкружок. У меня были главные роли, обо мне говорили, писали статьи в газетах – какая появилась актриса. Я была в Орле известна. Но бабушка ни разу не ходила смотреть. И Зина тоже. Не до этого им было.

Первый голос:

– Я учился в школе, ходил в театр и никогда не думал, что я стану заниматься этой профессией. Учились мы в мужской школе: тогда было раздельное обучение. И я думаю, что это было хорошо. Совместное обучение – не самое лучшее: теряется тайна, загадка, без которой невозможно настоящее чув-

Я нашел чудную профессию, которая мне нравится до сих пор

ство к женщине. А тут нас соединили в один класс, и со мной за партой оказалась Лариса Лужина. Она училась в 19-й школе, я – в 32-й. Нас соединили – и она попала ко мне за парту. Как она была хороша! Она и сейчас красива, а тогда была просто необыкновенно хороша. В нее влюблялись все, я видел, как на нее смотрели учителя, взрослые мужчины. И она сказала мне: «Пойдем в драмкружок, там не хватает мальчиков». И я ей благодарен, потому что кружок, во-первых, был замечательный, а во-вторых, потому что я нашел чудную профессию, которая мне нравится до сих пор. Не разочаровался. Хотя, скажем так, театр и моя профессия никогда не были

для меня на первых местах в табели о рангах, в моей собственной табели о рангах. Ну, где-то на четвертом-пятом месте. Но об этом потом.

Руководил драмкружком артист таллинского драмтеатра Иван Данилович Россомахин. Актер он был, надо сказать, не самый лучший, но зато – замечательный педагог. Занимался с нами и речью, и сценическим движением, и этюдами – практически создал подобие театральной школы. И мы – почти все – поступили в театральные вузы с первого раза. Из нашего драмкружка вышло 12 человек профессиональных актеров: Лариса Лужина, Виталий Коняев, ваш покорный слуга. Не буду всех называть. А Лилия Малкина – сейчас ведущая актриса в Чехии, замечательно знает чешский язык. Что мы играли – не помню, но играли спектакли, больше того, по выходным дням, по понедельникам, играли в помещении таллинского драматического театра. И всегда у нас был полный зрительный зал – поклонников и болельщиков нашего драмкружка.

Режиссер:

– Я сейчас иду по сквозному действию, потому что это правильно – возвращаться к самой дорожке памяти. Увидеть путь из провинциальной военной крепости к жизни в столичном граде, в мужской школе. Потом неожиданный переворот, библиотека, вы стали читать, занялись театром и дальше – поступление в ГИТИС. Еще раз огромный переезд – попали в Москву. Здесь спрятана какая-то невероятная перемена образа жизни. Что это такое – Москва того времени? Москва как один из наших возможных героев.

Всегда у нас был полный зрительный зал – поклонников и болельщиков нашего драмкружка

*Владимир Корнев.
1951 год*

Второй голос:

– Я заканчивала десятый класс и понимала, что хочу в театральный институт. А знала только один – ГИТИС. В общем, отправили туда документы, бабушка дала мне денег на сидячий поезд – доехать и обратно. Чем я должна была питаться – неизвестно, но денег-то все равно не было. После консультации я прошла на второй тур. Прихожу и вдруг слышу: «У нее какие-то свистящие звуки. Покажите зубы». А у меня между передними зубами была дырочка в четыре миллиметра. И, наверное, появлялся свистящий звук. – «Да, надо исправлять, надо что-то делать». А что делать?.. Еще слышу, у меня репертуар не тот. К тому же, конечно, я по-орловски «гхакала», хотя руководитель драмкружка меня отучал. Но ведь в Орле я первое место держала по художественному чтению, у меня грамоты были! Ну, я и решила: все, мимо. Забрала документы после второго тура, даже не посмотрев на доску, где вывешивали результаты, и уехала в Орел. Думаю, ну все, ладно.

Пришла в Дом пионеров, сказала Дмитрию Георгиевичу, и потом весь год с ним занималась. А еще я пошла и устроилась в театре. В Орле тогда был режиссёр Лев Михайлович Эльстон, и он взял меня с удовольствием: «Иди к нам в вспом. состав, будешь у нас здесь работать, будешь какие-то ролишки играть, пока потихонечку подберешь репертуар». Я получала около сорока рублей, отдавала их бабушке, и бабушка понемножку из этих денег откладывала, потому что я собиралась на следующий год опять ехать поступать.

Но я понимала, что у меня дырка между зубами. И что я сделала? (Потом легенды про меня в ГИТИСе рассказывали.) Я взяла нитку, – сороковую или двадцатку – соединила два передних зуба и легла спать. С утра была страшная боль: я не знала, как скорее эту нитку перерезать. Несколько дней болело. Но я понимала, что все равно надо соединять зубы. И соединила тихонечко. И когда на следующий год приехала в ГИТИС, у меня были сросшиеся зубы. Я их притянула. Потом следующие два, потом четыре вместе и так далее. Совсем недавно перестала носить, а так всю жизнь ходила с ниточкой.

Первый голос:

– Я поехал поступать в театральный институт и сходу поступил в ГИТИС, куда, собственно, и собирался. В то время ГИТИС был замечательным учебным заведением. Поступил я на курс к актеру и режиссеру художественного театра Григорию Григорьевичу Конскому. У него было вытянутое лицо, фамилия совершенно соответствовала его внешности. Сибарит, барин, англоман, с замечательным чувством юмора, английским. Взял на курс педагогом Ольгу Николаевну Андровскую – она только начинала свою преподавательскую деятельность. Пришла и сказала: «Я не знаю, я в первый раз, ребята, ничего не умею». Но так много нам дала! Иногда просто брала книжку и начинала читать, например, пьесу «Три сестры». Читала за Машу, потом за Ольгу, Ирину. А я был у нее любимчик на курсе, она ко мне очень хорошо относилась. Я этим пользовался, эксплуатировал ее отношение: бегал на свидания к своей будущей жене. Надо как-то убежать, я приду, прикинусь, что у меня голова болит. Она говорит: «Что с вами, Володя?» Я говорю: «Да вот, мигрень у меня». Она говорит: «Ну идите, лечитесь». И я шел на свидание. Но

Я знала только один театральный институт – ГИТИС

меня отмечали, была такая толстая амбарная книжка – тетрадь, в которой отмечали, кто был на занятиях, кого не было. И когда Григорий Григорьевич Конский пришел в конце

семестра на занятия, то открыл эту амбарную книгу, посмотрел и спрашивает: «Оля, а почему Коренева так часто не было на занятиях?» – «Гришенька, ну ты же знаешь, какой он болезненный». – «Он болезненный? Оля, он кончит жизнь, как Рафаэль Санти». – «Гришенька, я не знаю, как закончил жизнь Рафаэль Санти». – «Умер от полового истощения на своей любовнице Форнарине». – «Гришенька, ну что ты такое говоришь?!»

(Я потом посмотрел: на картинах у Рафаэля она была постоянной моделью, Форнарине. Даже когда он рисовал Святую деву, там такие глаза, что понятно: утомила итальянца, который в 33 года питался апельсинами.)

Конечно, они были замечательные педагоги. Я их очень любил. И самое главное, чему они нас научили, – отношению к жизни, как вести себя в театральном общежитии со своими друзьями, с коллегами, той тональности, которая должна быть преобладающей в художественном учреждении. Чтобы не было этого каботинства поганого, которое, к сожалению, часто бывает в театрах.

Второй голос:

– Бабушка дала мне заработанные денежки. И вот я приезжаю в ГИТИС, стою около зеркала, – у меня первый тур. И вдруг проходит – одна рука всегда воткнута в пиджак, другой рукав спущен с плеча, копна всклокоченных волос, кустистые густые брови – Мотя Горбунов, Матвей Алексеевич, директор ГИТИСа: – Девушка! Куда Вы девались в прошлом году? – Ну как? Я уехала долой. – Мы же вас хотели брать, бросились в рецензентский отдел кадров, там сказали – она забрала документы и уехала. Почему вы уехали? – Так он разговаривал «почему». – Да мне сказали, что у меня зубы свистящие, что репертуар

Алефтина Константинова.
Фотопроба на роль Маши
в фильме «Капитанская
дочка». ГИТИС, 3 курс. 1956 год

Алефтина Константинова и Александр Демьяненко. ГИТИС, 1 курс, этюд «Интересная книга», 1954 год

не тот, а у меня денег нет, жить не на что, и я решила, раз меня не берут, то надо ехать... – Да мы же Вас собирались брать! Мы же Валю Талызину вместо вас взяли! (Валя мне потом спасибо сказала.) Горбунов за руку ведет к себе в кабинет и звонит Елизавете Ивановне Леонарди, педагогу по сценической речи: «Эта девушка будет у нас учиться. Ни на какой второй тур она не идет, прямо на третий. Послушайте, что она читает, поменяйте репертуар, если нужно». То есть помнит мой репертуар в прошлом году, представляете? Горбунов вообще был особым человеком, совершенно уникальная личность. Знал каждого студента, знал, чем

тот дышит, как живет, – все знал. Знал, что у меня ничего нет: туфли-джиммики на весь сезон, репсовое платье, школьная форма и пальтишко демисезонное, которое бабушка сшила мне. Вот такая – с бантиками и с косичками – я и появилась. Елизавета Ивановна меня послушала: «Значит так, басню оставляем, в монолог нужно взять из пьесы Островского «На бойком месте» – трагический монолог Аннушки». (Я потом эту Аннушку как дипломную работу делала – какие связи бывают!) Выучила я монолог, и Елизавета Ивановна забрала меня к себе домой, накормила. А дома – крахмальные подушечки, салфеточки, ложечки-ви-

Алефтина Константинова и Эдуард Кошман. ГИТИС, 1 курс, этюд «Встреча», 1954 год

лочки – я такого и не видела никогда. Муж у нее был актером Малого театра, она и сама из Малого. Вся такая белая, меняла какие-то бессмысленные маникюр. Спрашивает: «Деточка, а у тебя чулочки есть?» (Это летом! А я весь день босиком, только перед вечером мыла ноги и надевала тапочки, которые бабушка сшила.) – «Нет у меня никаких чулочек». – «Деточка, на сцену нельзя выходить с голыми ножками, нельзя без чулочек!». Нашла мне какие-то свои, завернула с собой бутерброд: «Вот возьми, завтра утром обяза-

тельно съешь, нельзя на голодный желудок идти читать».

Деточка, на сцену нельзя выходить с голыми ножками, нельзя без чулочек!

Я пришла, вхожу последняя из десятки, села с краюшку. Мотя Горбунов: «Ну, давайте, девушка, с вас начнем». Выхожу, коленки дрожат, монолог только выучила. Стихотворение читала

У меня ничего нет: туфли-джиммики на весь сезон, репсовое платье, школьная форма и пальтишко демисезонное, которое бабушка сшила мне. Вот такая – с бантиками и с косичками – я и появилась.

Владимир Корнев. ГИТИС,
1958 год

Владимир Корнев
с однокурсниками. ГИТИС,
1959 год

«На смерть поэта», потом монолог Аннушки, читаю-читаю и вдруг – дальше все забываю... А Горбунов: «Все! Хватит, девочки! Достаточно!» Я думаю, ну – завалилась, пошла в скверик села и... А Горбунов послал выпускника, мой, пойді скажи, мы ее берем, чтоб не переживала. Следил за мной. И Елизавета Ивановна очень опекала всю жизнь, до последних дней. Я была любимицей у нее, и, конечно, у Платона Владимировича Лесли, руководителя курса.

Режиссер:

– И «Бойкое место» был последний спектакль, с которым вы здесь показывались. Интересно, получилось рондо, «Бойкое место» оказалось тем самым местом, в которое вы пришли, вы оказались в бойком месте, – ну, образно...

Первый голос:

– ГИТИС в то время был замечательным учебным заведением. Какие были педагоги! Западную литературу преподавал Александр Сергеевич Польш, который знакомился так: сначала в аудиторию влетал портфель

Вы не знаете, как звали лошадь Александра Македонского?!

прямо на кафедру, потом входил он и говорил: «Александр Сергеевич, но не Пушкин. Польш, не Робсон». Знал он все, очень любил Гомера, вообще владел несколькими языками

*Преподаватели
ГИТИС. Слева направо:
1 ряд - Е.И. Леонарди,
О.И. Старостина, А.А. Андре,
2 ряд - В.Ф. Платэ,
В.В. Соколов, И.М. Раевский.
ГИТИС, 1960 год*

ми. Педагоги почти все тогда были полиглоты. Один студент у нас на курсе хорошо сочинял стихи, и Александр Сергеевич сказал: «Вот если меня обманете на занятиях, можете спокойно об этом сказать, ничего не будет». А он любил Гомера, и парень пока сидел и готовился, сочинил несколько строчек гекзаметром, вставил имена богов, древних героев: «Я вам прочту кусочек из «Одиссеи». – «Читай-читай». Тот прочел свои стихи, и Поль поставил пятерку. После экзамена студент подходит: «Александр Сергеевич, а ведь я вас обманул!» – «Как?» – «Свои стишата, вместо Гомера читал». – «Врешь» – «Вот посмотрите...» – «Да, действительно, галиматъя. Ну держись!». И каждый раз приходя на занятия, спрашивал: «Готовишься к экзамену?» –

«Готовлюсь-готовлюсь». Но шутки-шутками, а парень испугался, потому что подходил го-сэкзамен. Все забросил, хотя и так прекрасно знал литературу, занимался только этим. На последнем экзамене пришел Поль, разложил билеты на столе. Парень спрашивает: «Можно я, Александр Сергеевич?» – «Иди-иди, я тебя давно жду... Ну, бери билет». – «А зачем, Александр Сергеевич, я и так все знаю». – «Ну наглец!». И начал гонять того по всей программе: «В каком году Сервантеса выкупили из плена? Кто сделал иллюстрации к этому роману? Кто написал пьесу «Красный казакин»? (Ну кто знает, что «Красный казакин» написал Диккенс?) - «Как звали лошадь Александра Македонского?» Парень сдуру и ляпнул: «Росинант». Он говорит: «Два. Идите, его

*Алефтина Константинова
и Н. ?? Гольдфайн. ГИТИС,
1 курс, этюд «Подруги»,
1954 год*

*Алефтина Константинова
в роли Тани. «Матрос сошел
на берег». Режиссеры Григорий
Аронов, Лев Данилов. Одесская
киностудия, 1957 год*

звали Буцефал». – «Почему я должен звать, как звали лошадь Александра Македонского?» – «Ах, вы не знаете, почему должны знать, как звали лошадь Александра Македонского, значит, вы не читали этого, значит, не знаете того. Двойка». Поставил. Парень расстроился, приходит к ректору: «Матвей Алексеевич, я же ответил на все вопросы, но я запнулся. Конечно, я знаю, что Росинант – это лошадь Дон Кихота». Ректор вызывает к себе Поля: «Саша, ну что такое? Парень знает, я проверю. Я бы ему пять поставил». – «Да я – только в зачетку, в ведомости пятерка стоит...».

По изобразительному искусству было два преподавателя – Розенталь и Тарабукин. Старые-старые, лет по 80, наверное. Остались еще с царских времен каких-то. Николай Михайлович Тарабукин написал замечательную книжку о Врубеле, которая вышла после его смерти – самая лучшая книга об этом художнике. А Лазарь Владимирович Розенталь увлекался импрессионистами. Как-то привел нас в Пушкинский музей, как раз к импрессионистам. А тут учительница из школы привела своих мальчишек и девчонок на экскурсию. И надо же ей было брякнуть: «Ну, импрессио-

низм – это ерунда, пойдете дальше». Розенталь услышал и высоким голосом говорит: «Стойте, дети, идите сюда. Не слушайте. Это дура, дура». – «Это учительница». – «Она дура, ваша учительница. Идите сюда, потому что импрессионисты – гениальные художники. Сейчас я вам расскажу...». Какая была лекция! Думаю, они в своей жизни никогда больше такого не слышали. И мы все, конечно, частью состоим из наших педагогов и из того, что они с нами сделали.

Второй голос:

– Когда я приезжала в шесть утра из Орла в Москву, то от счастья пешком шла с Курского вокзала до Трифоновской улицы, где было наше общежитие. Ранним утром повсюду стояли дворники и мыли тротуары из шланга на Садовом кольце. Сейчас я не вижу, чтобы кто-то мыл тротуары, правда. Только «поливальки» ездят. А раньше была чистота. Дворники мыли каждый свой двор. Мне казалось, что это очень красиво. И наше общежитие, рядом – гнесинское, дальше мхатовцы – такие сараи – казались красивыми. А дорога от МХАТа через улицу, через консерваторию... Когда я шла и видела консерваторию им. Чайковского, мне казалось, что это... Я каждый день в Орел своему педагогу Дмитрию Георгиевичу отправляла открытку, что сегодня прошла мимо консерватории, увидела вот то-то. Мне все время было интересно, думаю – я все время улыбалась. Наверное, со стороны, я выглядела как идиотка: хожу и все время улыбаюсь. А у меня – счастье от того, что я все это видела. Счастье – другого не испытывала. И каждый день отправляла открытки в Дом пионеров: сегодня была на Арбате, проходила там-то. Такой восторг в душе был...

Первый голос:

– Мы шестидесятники. Я помню Москву того времени. Пятидесятые годы уже не совсем помню, но 1957 год, когда мы оказались в столице, – это был еще патриархальный город, в нем были настоящие москвичи, которые жили постоянно, поколениями, было тихо, спокойно, пили чай, и мы гуляли с Алей от ГИТИСа до ВДНХ. Шли ночью пешком, совершенно не беспокоясь, что на нас кто-то нападет. Была тишина. Мы приходили днем на Сельскохозяйственную выставку (так тогда называлось ВДНХ), и я любовался прекрасными лошадьми, русскими тройками, рысаками, огромными битюгами, павильонами, где показывают свиней. Было так интересно! Фонтаны, рестораны каждой республики. Замечательно. А общежитие ГИТИСа находилось на Трифоновской улице. Такие деревянные бараки.

В 1957 году Москва была еще патриархальным городом

Второй голос:

– Двухэтажные старые развалюхи.

Первый голос:

– И жизнь там была замечательная.

Второй голос:

– Двери были открыты.

Первый голос:

– Все, что было у всех, было для всей компании, всем делились. Жили такими небольшими коммунами.

Второй голос:

– Ходили друг к другу в гости. А когда начиналась сессия, то ночи, конечно, не спали, все сидели зубрили. У кого какая-то еда, тоже делились.

Первый голос:

– А рядом с Трифоновской улицей – Рижский вокзал. Туда приходили поезда из Грузии и привозили вино в больших цистернах. Потом приходил хозяин цистерны, делал дырку, вкручивал кран, и вино продавали на разлив. Путь из общежития до Рижского вокзала назывался «военно-грузинская дорога», ходили туда с чайниками, с бидончиками, с бутылками. Наливали вино и с ним возвращались на Трифоновку. Жизнь была замечательная. Я строил новое общежитие, когда уже был студентом. Доставлял кирпичи на второй этаж. Мы, конечно, все на что-то надеялись. После XX съезда, когда Никита Хрущев прочел свой доклад о развенчании культа Сталина, в обществе были колоссальные надежды на изменение ситуации. Это дало такие силы! В это верили. По-

чему появилось столько талантливых людей одновременно? Потому что энергия надежды вывела на первый план самых лучших, тех, кто мечтал о добре, о хорошем. Эта волна надежды вызвала, конечно, взрыв в российской культуре. Поэтому появилось столько замечательных поэтов, бардов, ученых. И, конечно, – расцвет театра, расцвет литературы. И мы были свидетелями этого. И те, кто не застал спектаклей Товстоногова, Эфроса, «Современника», не застал наши спектакли, они не знают, какого высокого уровня было искусство.

Режиссер:

– Почему я хочу делать «Синюю птицу» с вами? Именно потому, что из памяти нам доступен любой возраст. Пространство, врата времени, через которые можно попасть в любой период своей жизни, – это воспоминания.

Первый голос:

– Еще я учился, но не был учеником, у Григория Нерсесовича Бояджиева. Это был великий театровед, профессор многих академий, полиглот, читал лекции на английском, испанском, немецком, французском языках. Происходил он из ростовских армян, родом из Нахичеваня-на-Дону, который основали армяне, переселенные из Крыма еще при Екатерине. Познакомился я с ним довольно странно. У моей супруги была подружка, которая училась на театроведческом факультете и не отличалась трудолюбием. Но поскольку – подружка

Путь из общежития до Рижского вокзала назывался «военно-грузинская дорога»

Владимир Коренев. ГИТИС.
1960 год

*Алефтина Константинова
в роли Тани. «Матрос сошел
на берег». Режиссеры Григорий
Аронов, Лев Данилов. Одесская
киностудия, 1957 год*

жены, то я писал за нее курсовые работы и даже диплом. И Бояджиев, который никогда ничего подобного от нее не ожидал, был так потрясен, что прочитал дипломную работу всему курсу и сказал, что это готовая кандидатская диссертация. Только получив диплом, подружка пришла и призналась, что работу написала не она, а муж подружки. Бояджиев спросил: «Кто он?» – «Артист, учится на артиста». – «Приведите его ко мне». Так меня привели к Бояджиёву, который предложил перейти и учиться на театроведческом факультете: «Мне нравится, как вы строите фразу, как вы думаете, как развивается ваша логика». Я отказался, сказав, что люблю живой театр. Но мы с ним подружились, я вырос в доме у Григория Нерсесовича. Рядом со мной в этом доме воспитывались Силюнас и Бартошевич – замечательные наши сегодняшние театроведы, его ученики.

Вот я рассказываю о людях, которым обязан своим воспитанием, человеческим становлением. И повторяю, когда они уходят, мир пустеет. Слава богу, что Бояджиев оставил таких учеников, как Бартошевич и Силюнас. Ими можно гордиться.

Второй голос:

Бояджиев говорил: «Это второй у меня такой ученик, у которого все прочитанное остается в голове». Володя такие слова знает – это что-то. Я постоянно спрашиваю: «Володя, а что это такое?». Мне говорят: «Как ты с ним живешь?». А мне с ним интересно. В общем-то, и весь наш роман потому и сложился, то мне с ним было интересно. Что-то я в школе читала, какие-то книжечки, но... А Володя, как только мы познакомились, стал такое рассказывать! Думала, откуда он это

знает, откуда? Часами мог рассказывать, собирались толпы девчонок...

И Бояджиев говорил: «Ты понимаешь, он все помнит. Может улицу назвать, по которой когда-то проходил или о которой читал. Аллочка, он такой умный, у него это врожденное, а то, как он произносит слова – это дар. Я его беру к себе в аспирантуру». Коренев не пошел, конечно. А с Бояджиёвым мы дружили до последних дней, не расставались. Вечно сидели у него в кабинете дома и в Мисхор вместе ездили. И все эти ребята – Силюнас, Барташевич, – в одной каше варились. Бояджиев всегда говорил: «Барташевич – это ученый, Силюнас – это ученый». Обожал еще Веню Смехова, потому что тот сочинял стихи, приносил поэмы какие-то. Вениамин до сих пор говорит: «Два любимца были у Бояджиёва – я и Коренев».

*Врата времени,
через которые
можно попасть
в любой возраст, –
это воспоминания.*

Первый голос:

– Замечательное время эти четыре года в институте, так незаметно пролетают. Ну, конечно, романы. В институте я познакомился со своей будущей супругой, с Аллой Константиновой. Она была очень хороша. А самое главное – чудный человек. Русские провинциальные барышни – какая же это прелесть... Недаром Тургенев о них так писал, и Достоевский, когда произносил речь по поводу открытия памятника Пушкину, говорил про прекрасные женские характеры, и что единственный, кто может сравниться с Пушкиным – Тургенев. Тот, говорят, даже вскочил, потому что не предполагал: они были в очень сложных отношениях с Достоевским. Потом говорят, они обнялись и поцеловались.

Режиссер:

– А как вы познакомились?

Второй голос:

– Я уже училась в институте – второй курс закончила. Возвращаюсь в институт после съемок, меня встречает Лика Авербах, второй режиссер из «Мосфильма», – «Я тебя жду». Тогда Александр Столпер снимал «Трудное счастье», и они хотели пригласить меня. Говорю: «Я сниматься не буду, я только что приехала. Ни за что...» – «Я тебя умоляю! У нас мальчик пробудется, а вот он, кстати, и идет. Ваааалодечка!» И Володечка спускается с лестницы. А в общаге мне уже все уши прожужжали: «Ой, у нас такой мальчик поступил, – первое, что мне было сообщено, – у нас такой мальчик, весь институт в него влюблен, все вокруг него ходят» – «Да? Покажите» – «Не-не-не, Светка с ним в кино ходит». – «Света, покажешь?» – «Нет, тебе не покажу, отобьешь еще».

Подошел Володечка, я мельком взглянула, что-то такое длинное, худое: «Так, все, я опаздываю» – и бегом по лестнице, а он около меня пристроился, тоже бежит. И вдруг навстречу – Света из моей комнаты с вытянутым лицом. И я понимаю, что это тот самый мальчик, про

Русские провинциальные барышни - какая же это прелесть...

Художник – Тамара
Васильковская. 1961 год

*Она была очень хороша.
А самое главное –
чудный человек*

которого сказали «не познакомим». Поворачиваюсь – «О, оказывается, тот!». Так я в первый раз его увидела.

И он поначалу меня все время раздражал, все время мне попадался. Влетаю в метро, вдруг чувствую чье-то плечо... Опять он! Потом в ЦДРИ был вечер театральных вузов, я должна была его вести, пришла раньше времени. Перед этим Коренев сказал: «Я не могу, к сожалению, на этот вечер пойти, у меня сестра больная». Думаю: «Господи, мне-то что?». Сажу в ЦДРИ, смотрю – идет по железной лестнице и направляется прямо ко мне: «А вы где свой портфель бросили?». – «Там, в комнате» – «А можно и мой туда положить?».

Я выхожу на сцену объявлять, а про себя думаю, если увижу рядом с ним пустое место, значит для меня бережет. Смотрю – и точно, рядом пустое место, я даже забыла, из какого театра артисты, Немировича-Данченко и Станиславского перепутала... Ну ладно, когда все закончилось – он встречает. В круглом фойе танцы, и он: «Пойдемте танцевать». А там все как сельди в бочках. И я помню, мы танцуем с ним, он такой тощий, и Светка, с которой мы жили в общежитии, смотрит страшными глазами. Ну все!.. А мне чего-то так хорошо, нравится... Вышли, поехали в метро, он пошел меня провожать, спрашивает: «А что ты завтра делаешь?» – «Да не знаю». – «А я завтра в ГИТИСе дежурю». – «Ну хочешь я приду?» – «Хочу». Прихожу и через весь зал иду к нему так откровенно – все смотрят, к кому королева идет. За мной в институте все мужики бегали. А я вот – сопляк – присохла. Конский меня спрашивал: «Ну что ты в нем нашла?» Не знаю, нравился... С ним было интересно.

Вот с этой поры, с ЦДРИ, с железной лестницы как-то потихоньку... То в кино ходим, то еще куда-то. Четыре года института, пока он учился, мы были вместе. Всякие были перио-

ды, всего было много. Он же болтун, как начнет рассказывать... Или в институте сядет за пианино – все девки вокруг него!

Однажды в метро сидели, я говорю: «Мы с тобой должны расстаться, все». – «А ты без меня можешь? Я без тебя уже не могу». И мне это показалось так странно, думаю: «Надо же». Посмотрела в себя, вовнутрь: «А я-то ведь тоже уже не могу». И не поехала на каникулы к бабушке в Орел, никуда не поехала.

Первый голос:

– Аля – круглая сирота, родители погибли во время войны. Получала сталинскую стипендию. Из этой стипендии посылала своей бабушке в Орел какие-то деньги. А я – барчук, сибарит, из довольно – по тем временам – состоятельной семьи. Благодаря ей, как мне кажется, состоялся. Она научила меня работать, зарабатывать деньги, кормить семью. Женщины нас формируют. Вообще умная женщина всегда делает, создает мужчину. Я очень хотел, с тех пор, как мы поженились, чтобы она не знала недостатка в деньгах, больше не знала нищеты. Поэтому работал.

Второй голос:

– Когда Володя заканчивал институт (я уже в театре работала), на последнем курсе его пригласили на кинопробы. Мы поехали вместе: он снимался, а я просто так по Ленинграду походила. И в какой-то момент (у нас были тяжелые отношения), я поняла, что или мы должны быть вместе, или нужно расстаться. Все, больше не могу, у меня все болит внутри. Он же Близнец по знаку – как ветер. Не поймаешь... Я после работы бежала в ГИТИС, надо было его перехватить где-нибудь, потому что потом

Художник – Тамара
Васильковская. 1961 год

*Ну что ты в нем нашла?
– Не знаю, нравился...
С ним было интересно.*

иначе не поймать. Я точно знала, в какой он аудитории сейчас, где может быть. И когда я подходила к ГИТИСу, там на лавочках перед входом в скверик сидел один Коренев, а вокруг – толпа девок. И, видимо, у меня был совершенно безумный вид, потому что когда я входила в калитку и подходила к нему – никого вокруг не было, он стоял один. Ревновала я вначале безумно. Вот он идет с девчонкой, я: «Володь, ты куда?» – «Туда-то». – И я иду сзади. Он спрашивает: «А ты куда идешь?» – «С тобой». – «Ты же видишь, мы идем со Светой...» – «Ну, и я пойду». – «Так я тебя не беру». Я все понимала головой, а сделать с собой ничего не могла, просто была больна.

Не знаю почему, но он – единственный, за кого я хотела выйти замуж. На Трифоновской рядом с общагой есть церковь Знамения иконы Божией Матери, и я туда ходила, просила, чтобы Володя стал моим мужем. А потом в этой церкви я уже и Иру крестила, и

Он – единственный, за кого я хотела выйти замуж

Егора, и всегда к этой иконе приходила. Благодарил. Потом мы отпраздновали серебряную свадьбу, а теперь – и пятьдесят.

Но долгие годы потом, когда уже мы были вместе, мне снились страшные сны, что он идет с кем-то, проходит, а я не могу остановить, я не могу подойти. Ужас! И просыпалась от страха. Ох, не дай бог! (Это сейчас он ходит за мной – «Алешечка!». Нет дня, чтобы не сказал, что меня любит.) Ужас этот меня очень долго преследовал. Как я это все пережила?

И вот однажды, когда он пришел в наше театральное общежитие, я сказала: «Знаешь, ты сейчас поедешь домой, а завтра я тебя в 12 часов жду с паспортом. Мы идем подавать заявление в ЗАГС. Если ты придешь в 5 минут первого, меня больше не будет, и меня для тебя больше не будет никогда». Я была настолько в этом уверена, я, видимо, так это все сказала, что он поверил: «Хорошо».

Ночь, конечно, не спала – бил колотун. Со мной девчонки сидели, пошивочный цех, который никуда не ушел, – трепались всю ночь. И на следующий день без пяти 12 прибежал Коренев и как ни в чем не бывало – «Ну что, Алеш, пойдём?».

Пошли подавать заявление – у Белорусского вокзала был какой-то ЗАГС: «Мы решили расписаться». – «Ну, вот ближайшее время – 1 апреля». (Раньше всего неделю надо было ждать.) Я говорю: «Знаете, не до такой же степени! В любой день, кроме первого, для меня это чересчур!». – «Ну, давайте второго». – «Лишь бы – не первого».

Записали нас на второе. Через неделю пришли – приятель Володи с курса и моя подружка. Расписались, дошли до площади Маяковского, и

они убежали, потому что вечером на целый месяц уезжали на гастроли в Финляндию играть «Три сестры». А я стояла на Маяковского и было такое ощущение, что появившись он – я скажу: «А теперь иди на все четыре стороны!» Прямо в каком-то умоисступлении была. А это еще он не снимался...

Алефтина Константинова
и Владимир Коренев. 1961 год

Режиссер:

– Вы еще учились в институте, когда начали сниматься в фильме «Человек-амфибия»?

Первый голос:

– Я заканчивал, играл дипломный спектакль.

Режиссер:

– Вот тоже какой узел судьбы получается.

Первый голос:

– Да, и как раз на дипломном спектакле была ассистент режиссера с Ленинградской киностудии. Она меня увидела и пригласила на пробы. Мы играли дипломный спектакль по пьесе английского драматурга Голдсмита «Ночь ошибок». Известная пьеса, классика английской литературы. Я играл такого типичного персонажа английских анекдотов, наивного человека, наивного до глупости. Есть английский анекдот, как по Лондону идет молодой человек и ведет лошадь. Встречает его другой: «Куда лошадь ведешь?» – «Домой». – «Так ты же живешь в многоэтажном доме?» – «Да» – «И лошадь ведешь? Но она же не войдет!» – «Я разберу дверь и введу ее в ванную, потом дверь опять заложу» – «Но зачем?» – «Ко мне сегодня придут гости». – «Ну и что?» – «Они придут, пойдут помыть руки, прибегут ко мне – Джон, слушай, в твоей ванной лошадь. А я скажу: «Я знаю».

Ну, может быть, герой – не совсем такой, но анекдот дает ощущение этого характера. Так мы представляем, может быть, очень примитивно, англичан, как они шутят. (Хотя у них были и Оскар Уайльд, и Бернард Шоу.) Ассистент режиссера из Ленинграда увидела меня и решила, что если я могу играть такого наивного человека в спектакле, то, может быть, смогу и в фильме, где будет тоже очень чистый, искренний, наивный человек. Пригласила на пробы. Утвердили меня сразу же. Вечером позвонили и сказали: «Вы утверждены».

Честно говоря, я не люблю рассказывать о съемках. И вообще о своих ролях рассказывать не люблю: как репетировал, как обдумывал какую-то роль – неблагоприятное занятие. Надо смотреть. Но технически расскажу, как снимался. Сначала мы были в Ленинграде, потом поехали в Баку, потом – в Крым. В Бакинской крепости снимали город, в Крыму, на Черном море – подводную часть. В Ленинграде нас учили плавать. Я умел плавать, но недостаточно для того, чтобы

*Я не люблю рассказывать
о съемках. И о своих ролях
рассказывать не люблю...*